

Олег Мраморнов

ДВАДЦАТЫЙ век — в последней его трети — прошел под знаком Солженицына и завершился на солженицынской ноте. Очень престижная в интеллектуальном мире Большая премия Французской Академии морально-политических наук 13 декабря 2000 года вручена в посольстве Франции в Москве знаменитому писателю. В речи при вручении премии известный философ-француз Ален Безансон от лица Академии аттестовал Солженицына «не только «моментом человеческой совести», но главным действующим лицом истории» и подчеркнул тем самым присутствие, влияние, роль отечественного писателя, мыслителя и публициста в историческом процессе, пожелав ему совпадения с теми путями этого процесса, которые лежат в области обретения «счастья

туда попала. Я с этим не согласен. Я верю и постоянно верил, и это всегда осуществлялось, в преимуществе духа над бытием. Я думаю, что это поможет России вырваться. Я думаю шире — что и Западу эта проблема духа, который перерабатывает бытие, тоже весьма не бесполезна и своевременна».

Лауреат подробно остановился на состоянии морального и духовного климата в человеческом сообществе. Поблагодарив в начале ответной речи французскую Академию и коснувшись давних культурных связей между Францией и Россией, он сразу перешел к вопросу о гуманизме, сделав этот вопрос стержнем выступления.

«...Крупным явлением международной жизни я бы назвал перерождение гуманизма. Гуманизм веков пять назад родился и развился от заманчивого замысла — перенять у христианства его добрые идеи, его сочувствие к обездоленным и притесненным, его признание свободы воли каждого

человека. Перенять, но устранить Творца мироздания. И, казалось, это очень хорошо удалось. Век за веком гуманизм проявил себя как широкодушное, человеческое движение. И ему удалось в разных случаях истории смягчить зверства и жестокости. Однако...»

За этим «однако» последовало иной раз что-то очевидное и ясное, а порой не столь очевидное, не отстоявшееся — то, что не удалось или не удастся. Гуманизм не уберет человечество в XX веке от двух страшных мировых войн. Как говорил один литературный герой: факт. Чувствуя свою недостаточность и бессилие, гуманизм мог принять контуры обещательного глобализма. Звучит не очень отчетливо: мог. Выходит, глобализм лидеры мирового гуманизма человечеству лишь обещали и у нас еще все впереди?.. Глобализм — это тенденция или данность, хорошо или плохо?..

Итак, гуманизм на новом витке пытается что-то сделать, но — не получается. Пытается подняться на новый уровень — установить рациональный порядок на всей земле путем создания единого мирового правительства из высокоинтеллектуальных людей, которое будет зорко и заботливо следить за нуждами каждого отдаленного уголка земли, каждого народа. Не удается. Хотя создали ООН. Создать создали, но отнесают, не очень считают, например, в случае с бомбардировками Югославии... Солженицын приводит выразительные цифры: «США составляют 5% населения Земли, но потребляют до 40% сырья и материалов и вносят 50% всеобщего отравления».

Успешный лидер общества потребления отнюдь не желает отказываться от своих преимуществ под неслабым давлением международных форумов, конференций и призывов. Да и зачем, во имя чего Штатам себя ограничивать, принимать во внимание тезис Солженицына о высшей свободе как дальновидном самостеснении? У них выше человека ничего нет: все во имя человека, все для блага человека...»

Но ведь гуманизм-глобализм пытается брать на свои плечи заботу о собратьях по земному обитанию, вызывается выров-

нять общий фон жизни. Нет больше дальних — все ближние. Хотя никто, конечно, так мне не близок, как я, единственный — самому себе. Солженицын вспоминает Гольбаха, Дидро, Гельвеция, просвещенческую теорию «разумного эгоизма» и пресловутый «просвещенный эгоистический интерес», который выдвигают и оправдывают в наши дни. Эгоизм, но просвещенный, а разрыв между богатыми и отсталыми странами все увеличивается. Вопиющие мировые проблемы бедности, отсталости, экологии вопиют и вопиют к небу.

«...Во имя гуманных принципов (только во имя гуманных принципов) можно начать бомбить мирную пятиллионную европейскую страну, лишить ее живительного электричества, разрушить прекрасные дунайские мосты. Для того ли, чтобы одну группу населения уберечь от депортации, но тем самым обресть на депортацию другую группу? Или для того, чтобы излечить

страну, объявленную больной, или оторвать от нее лакомую провинцию? Как заблудился антропоцентризм! И с этим мы переходим в XXI век...»

Поверх общегуманных принципов, призванных соединять человечество, Солженицын говорит о перерождении гуманизма в «просвещенный эгоистический интерес» и ставит диагноз: секулярный антропоцентризм. «Так вот, упорный, секулярный антропоцентризм когда-то должен был войти в этот кризис. И с ним мы вступаем в XXI век».

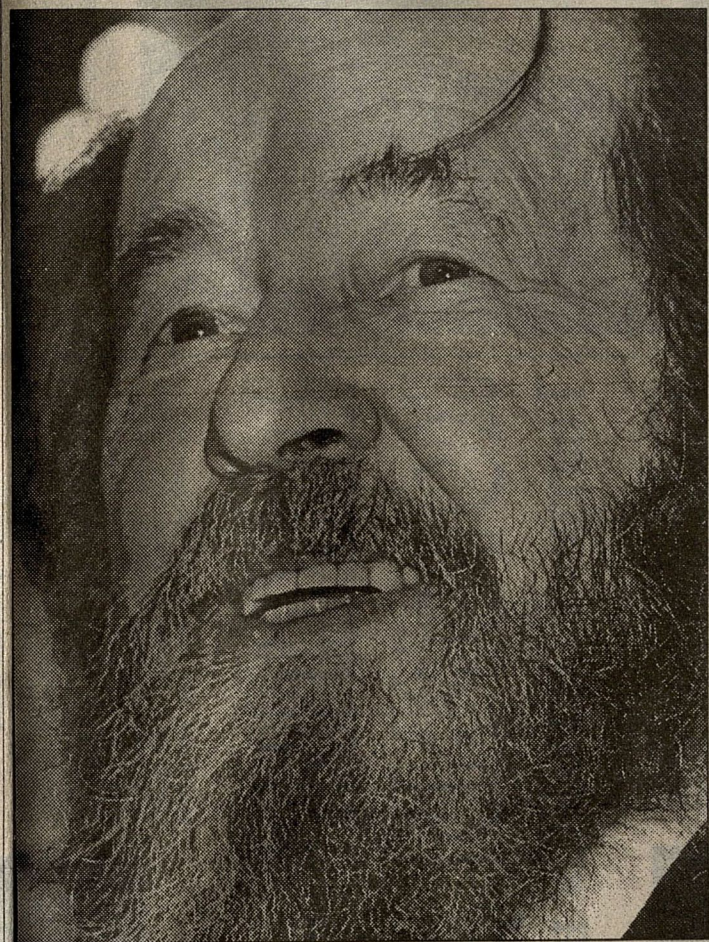
Солженицын наследует русской литературе и русской религиозной философии. Русская литература актуализировала человеческое вопреки историческому и идеологическому прессу, а религиозная философия объясняла богочеловеческое. Бердяев давно предупреждал, что пошатнулась христианская идея человека, которая оставалась еще в гуманизме. Явление гуманизма Бердяев считал неизбежным в связи с нераскрытостью в средневековой жизни христианского учения о человеке — оно с трудом усваивалось греховной природой человека, и Церковь не всегда справлялась с задачей раскрытия этого учения.

Солженицын наследует русской литературе и русской религиозной философии. Русская литература актуализировала человеческое вопреки историческому и идеологическому прессу, а религиозная философия объясняла богочеловеческое. Бердяев давно предупреждал, что пошатнулась христианская идея человека, которая оставалась еще в гуманизме. Явление гуманизма Бердяев считал неизбежным в связи с нераскрытостью в средневековой жизни христианского учения о человеке — оно с трудом усваивалось греховной природой человека, и Церковь не всегда справлялась с задачей раскрытия этого учения.

Запутались с гуманизмом, а Солженицыну — распутывать. Солженицын, как видим, тоже сомневается относительно возможностей мирового организованного гуманизма. А про гуманизм он, конечно, знает лучше нас. В то время как нам вдалбливали в голову нечто о преимуществах пролетарского гуманизма над химерой буржуазного, Солженицын негромко и потаенно воплощал на бумаге (лишь потом всемирно прогремел) принципы человеколюбия: писал Ивана Денисовича, Матрену, «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ»...

вытесняется классом, и создается новый миф о мессианстве пролетариата. Маркс есть один из исходов гуманизма. Для Ницше высшей ценностью является не человек, а сверхчеловек, высшая раса, человек должен быть превзойден. Ницше есть другой исход гуманизма».

Ницше, Маркс с Лениным, пролетарское человеколюбие отходят в область воспоминания. Бердяев произносил свои слова в преддверии мировой войны, когда на карту была поставлена ценность человека и старый гуманизм пытался напомнить о ней. А Солженицын видит уже следующий исход:

По мнению интеллектуалов Запада, Александр Солженицын является главным действующим лицом истории. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

свободы и права». «Мы надеемся, что Россия, ведомая хорошим правительством, также познает счастье свободы и права. Мы полагаем, что один из величайших людей этого века поможет ей этого счастья захотеть и его обрести. Именно в этом, дорогой Александр Исаевич, заключается смысл Большой премии, которую рада присудить вам Академия морально-политических наук».

...В ответной речи лишнего ведь не скажешь, но у опытных ораторов есть свои приемы... Мало кто, наверное, сомневается, что Солженицын хочет для России счастья, однако он отреагировал на пожелание Безансона умалчиванием о путях и перспективах попадания России в область счастья свободы и права, то есть светлого демократического будущего, а специально отметил особую трагичность российской истории, имеющий место быть грабеж национального достояния и достоинства населения, подавленность самоуправления и народной инициативы, засыле чиновников.

Вот сильное место, показывающее неостывший темперамент опытного критика отечественной социально-политической эмпирии-действительности, и как бы встyk к словам Безансона о хорошем правительстве: «Наш политический класс составлен диким образом: из нераскаившихся номенклатурщиков, всю жизнь проклимавших капитализм, а теперь восславивших его. Из хищных комсомольских вожаков, из абсолютных политических авантюристов, из находчивых экономических грабителей, из случайных людей, мало подготовленных для роли, которую они на себя взяли. Нравственный уровень нашего политического класса невысок, а интеллектуальный не выше».

Далее последовала фраза, начинающаяся с утверждения отрицательно негативного характера, а в итоге решительно утверждающая победу духа над косной материей — русский путь. Взамен рационально безукоризненной перспективе свободы и права — внезапная сверхрациональная вспышка с адрасацией и к Западу тоже. «В этих условиях о России говорят, что Россия продвигается в третий мир. Только некоторые говорят, что она уже безвозвратно

кризис упорного, секулярного антропоцентризма, то есть обратное возвращение к человеку, но поставление на первый план эгоистического человека, в котором перемешаны добро и зло, — взамен устранившего Творца. Человек выпячивается, но из него вымывают его высшую составляющую. В скороспелом синтезе новейшего гуманизма происходит отказ от христианской идеи вечной природы человека, сотворенного по образу и подобию Божию. (Тогда как эпоха Возрождения, открывающая Новое время, дала импульс гуманизму, еще продолжавшему видеть в человеке образ Божий. И гуманизм русской литературы, традиция которой наследует Солженицын, видит в человеке этот образ.)

Последний исход гуманизма, который фиксирует Солженицын в своем выпаде против секулярного антропоцентризма, вытекает из установок на утождевание человеку, на принцип потребления, удовольствия и комфорта, связан с притязаниями и обещаниями глобализма, единого мирового порядка, тотального либерального рынка. Надо обладать солженицынской последовательностью и даже дерзостью, чтобы произвести выпад против такого перерожденного гуманизма в присутствии награждающей стороны, представляющей как раз западные либеральные ценности (не будем, однако, забывать, что Франция не Америка)...

Стоит ли говорить, что Солженицын заслужил право на свой выпад, оставаясь неизменным сочувственным страждущей человечности в духе более традиционного гуманизма, пытающегося устоять под натиском истории.